

*Научная статья**Научная специальность**5.1.4 «Уголовно-правовые науки»*

УДК 343.985(470)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.3.77>

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА, УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ, ДИНАМИКА И СТРУКТУРА

© **Козийчук П. Н.¹, Кузнецов Е. В.², 2025**¹ Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России, г. Иркутск, Россия² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Исследуется понятие «этническая преступность». Выделяются характерные признаки и особенности организованных ее форм. Делается вывод о том, что с точки зрения учета преступлений этническая преступность должна рассматриваться как организованное объединение лиц, состоящее из иностранных граждан, лиц без гражданства либо граждан Российской Федерации некоренной по отношению к территории проживания национальности, объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Рассматриваются исторические предпосылки и социальные условия, способствующие образованию этнических преступных групп. Акцентируется внимание на ежегодном росте числа выявленных преступлений, к которым причастны члены этнических организованных групп и сообществ. Приводятся данные об основных видах преступлений, совершаемых представителями этнической преступности.

Ключевые слова: этническая преступность, организованные этнические преступные группы, этнические формирования, организованная преступность, преступные сообщества, диаспоры, этнические общины, этнические анклавы, миграция, противодействие этнической преступности, предупреждение преступлений, раскрытие преступлений.

ETHNIC CRIME: DEFINITION, CHARACTERISTICS, CONDITIONS OF FORMATION, DYNAMICS, AND STRUCTURE

© **Koziychuk P. N.¹, Kuznetsov E. V.², 2025**¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation² Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

The concept of “ethnic crime” is examined. The characteristic features and peculiarities of its organized forms are highlighted. It is concluded that, from the point of view of crime registration, ethnic crime should be considered as an organized group of individuals consisting of foreign citizens, stateless persons, or citizens of the Russian Federation who are not of the same nationality as the territory of their residence, who have come together to commit one or more crimes. The historical background and social conditions that contribute to the formation of ethnic criminal groups are also examined. Attention is drawn to the annual increase in the number of crimes committed by members of ethnic organized groups and communities. Data is provided on the main types of crimes committed by representatives of ethnic crime.

Keywords: ethnic crime, organized ethnic crime groups, ethnic formations, organized crime, criminal communities, diasporas, ethnic communities, ethnic enclaves, migration, countering ethnic crime, crime prevention, and crime detection.

Введение

Российская Федерация является государством с богатым многообразием наций и религий, на территории которого проживают представители различных народов и этнических общностей. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., на территории России проживает свыше 195 народов и этнических групп¹.

¹ Всероссийская перепись населения о национальном составе России (публ. от 18 апр. 2023 г.) // Народы Урала : сайт. URL: <https://народыурала.све.рф/новости/20263?ysclid=mbyfbud4su327920062> (дата обращения: 23.01.2025).

Это культурное и этническое разнообразие формирует уникальный социальный ландшафт страны, где каждая этническая группа сохраняет свои традиции, обычаи и религиозные убеждения, играющие ключевую роль в формировании их идентичности. При этом межэтнические связи в данных общностях зачастую очень сильны. Криминальные представители таких групп часто стремятся защищать свои интересы и национальные традиции не всегда законными методами или же пытаются использовать национальный фактор как условие,

облегчающее совершение различных преступлений на территории Российской Федерации. В результате этих тенденций принадлежность к той или иной этнической группе зачастую является основополагающим фактором для вовлечения лиц различных национальностей, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, в преступную деятельность. В этой связи представители этнических образований все чаще становятся фигурантами уголовных дел.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России), в 2024 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России совершено 38,6 тыс. преступлений, в том числе гражданами стран, являющихся участниками Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество), – 32,7 тыс. преступлений, при этом удельный вес последних составил 84,8 %¹.

Таким образом, наряду с позитивными аспектами национального многообразия России, возникают и сложные социальные явления, одним из которых является этническая преступность, в которую вовлечены как граждане Российской Федерации, так и иностранные граждане и лица без гражданства.

Применительно к данному исследованию этническая преступность будет рассматриваться в аспекте наиболее общественно опасных форм ее проявления, а именно на примерах деятельности организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), сформированных по этническому принципу (далее – этнические преступные группы; этнические преступные формирования; этнические ОГ и ПС (ПО)). Последнее обусловлено все возрастающей активностью противоправной деятельности указанных форм организованной преступности, которая находит свое подтверждение в статистических данных. Так, в 2024 г. сотрудниками органов внутренних дел, совместно с ФСБ России, со Следственным комитетом Российской Федерации и с ФСИН России, пресечена деятельность 298 (2023 г.: 244) этнических организованных групп общей численностью 1262 (2023 г.: 1160) участника, причастных к совершению вымогательств, грабежей и разбоев, незаконному обороту наркотических средств, организации каналов незаконной миграции, мошенничеству, преступлениям в сфе-

ре экономики. Возбуждено 421 (2023 г.: 402) уголовное дело².

Всего в прошедшем году правоохранными органами установлены 1,2 тыс. (–3,2 %) участников этнических организованных преступных групп, которым инкриминировано 3,6 тыс. (+20,3 %) фактов противоправной деятельности, из которых более 90 % относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Удельный вес этнической преступности в общем сегменте организованной преступности в 2024 г. составил 9,4 % (2022 г.: 11,4 %; 2023 г.: 9,3 %). В суд направлены уголовные дела по 3,5 тыс. (+17,1 %) преступлений.

В связи с указанными негативными тенденциями целесообразно исследовать сущностные особенности организованной этнической преступности, определить ее понятие, причины и условия формирования, современную динамику и структуру. Данные сведения могут быть полезны для принятия сотрудниками правоохранительных органов организационных и тактических мер, направленных на противодействие этнической преступности.

Материалы и методы исследования

Основой исследования является всеобщий диалектический метод научного познания общественных отношений в сфере противодействия этнической преступности, а также базирующиеся на нем общие и частные научные методы эмпирического и теоретического познания.

Среди общенаучных следует выделить целый комплекс использованных методов. Так, например, методы анализа и синтеза, дедукции, вкуче с обобщением, аналогией и логическим подходом, позволили выделить сущностные особенности этнической преступности и изучить их во всей совокупности и взаимосвязи. Применение метода индукции, при изучении практики применения норм законодательства, регулирующего учет преступлений, позволил получить аргументы, подтверждающие выводы о природе рассматриваемых правовых отношений.

Среди частнонаучных методов следует выделить сравнительно-правовой и исторический способы познания, на основе которых стало возможным изучить специфику нормативного регулирования деятельности по учету этнической преступности и исторические особенно-

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/65027102/> (дата обращения: 23.01.2025).

² Здесь и далее статистические данные в сфере борьбы с организованной преступностью, в том числе этнической, приводятся на основе анализа данных с 2014 по 2024 г., содержащихся в Сводных отчетах по России о результатах борьбы с организованной преступностью, ежегодно формируемых ГИАЦ МВД России.

сти формирования этнической преступности на территории Российской Федерации. Кроме этого, статистический метод позволил наглядно представить состояние, динамику и структуру изучаемого явления.

Результаты исследования

Обращаясь к понятию «этническая преступность», следует отметить, что в речевом обороте этот термин, по мнению А. Г. Ахмедова и Р. Р. Насырова, появился в начале 90-х гг. XX в. в специализированных оперативных подразделениях органов внутренних дел, осуществляющих противодействие организованной преступности. Последние создавались в условиях глубочайшего социально-экономического кризиса в России, обусловившего взрывной рост организованной преступности, в рамках формирования которой стали возникать группы и сообщества, представлявшие жителей одного региона, местности, национальности или вероисповедания, отличавшиеся внутренней дисциплиной и объединенные единой целью. Далее этот термин подхватили ученые-криминологи, которые благодаря своим научным исследованиям и публикациям фактически его легализовали [1].

До настоящего времени рассматриваемое понятие исследовалось многими авторами, их позиции достаточно подробно обозначены в исследовании А. А. Петрова [11, с. 111–112]. С позиции выделения характерных сущностных особенностей указанного феномена определенный теоретический интерес представляют мнения Т. Н. Тиминой, А. В. Куликова и О. А. Шелега.

Так, Т. Н. Тимина, после проведенного подробного контент-анализа различных определений, относительно указанного понятия пришла к мнению, что под этнической преступностью следует понимать особую форму социальной патологии, обладающей высокой степенью общественной опасности и находящей свое выражение в воспроизводстве запрещенных уголовным законом деяний, совершенных в составе этнического (национального) формирования, обладающего такими признаками, как целостность, синергичность, делимость, структурированность, закрытость и адаптивность [14, с. 79].

Как можно заметить, выделенные указанным автором признаки «формирования», «структурированность» свидетельствуют о том, что речь идет именно об организованных формах преступности. Однако с учетом того, что в приведенном выше определении содержится целый ряд абстрактных понятий (например, синер-

гичность, адаптивность и делимость), требующих специальных пояснений, не приведенных в указанном выше исследовании, нам импонирует точка зрения А. В. Куликова и О. А. Шелега, которые более развернуто и конкретно описали сущностные особенности этнической преступности через выделение и раскрытие отдельных элементов (признаков) исследуемого явления [7, с. 17–18].

Используя признаки этнической преступности, сформулированные в работе последних авторов в качестве универсального шаблона, ниже приведем их с учетом наших авторских доработок.

Этническая преступность является наиболее опасной разновидностью и формой преступности, обладая такими характерными особенностями, как:

1. Высокая общественная опасность деятельности, выраженная в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, включая заказные убийства и вымогательства.

2. Значительный уровень преступной организованности, сплоченности и скрытности, что обусловлено как национальными традициями, так и поддержанием внутри преступных групп строгой иерархии, основанной на правиле и во многих случаях национальном обычае подчинения «младших по статусу старшим». При этом указанные признаки выражаются и в наличии таких структурных подразделений внутри этнических образований антиобщественной направленности, как охранные, боевые и разведывательные группы.

3. Создание механизмов противодействия правоохранительным и иным государственным органам путем регистрации официальных общественных объединений, которые маскируют свою противоправную сущность деятельностью, связанной с защитой интересов этнических меньшинств, популяризацией национальных традиций и межкультурным обменом.

4. Лидеры этнических преступных групп стремятся наладить доверительные, неофициальные и коррупционные отношения с отдельными представителями государственной и иной власти, что позволяет им влиять на экономические и финансовые процессы, развивать «теневой сектор», усилить криминальную активность и избежать общественного контроля.

5. Постоянные попытки установить контроль над легальной банковской и предпринимательской деятельностью в определенных регионах, а также над уголовно наказуемыми

видами «бизнеса» (например, часто такими как наркоторговля, проституция, торговля людьми, незаконная миграция, азартные игры, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем).

6. Расширение преступной деятельности за пределы региона возникновения преступных формирований, включая выход на международный уровень.

Приведенные позиции позволяют утверждать, что использование термина «этническая преступность» подразумевает под собою такой существенный ее признак, как деятельность этнических организованных преступных групп, сообществ или организаций. При этом данным группам, как правило, помимо организованного характера, присущи и иные признаки, изложенные выше.

Рассматривая этническую преступность как организованную разновидность преступности, следует заметить, что данное социальное явление имеет законодательное закрепление. Так, в п. 20 приложения № 3 к приказу «О едином учете преступлений»¹ указано, что при заполнении статистической карточки формы № 1.1 соответствующее должностное лицо под этническими преступными формированиями должно понимать группы, сообщества (организации), представляющие собой специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному (этническому) признаку, т. е. объединяющие в своем составе лиц одной или нескольких родственных национальностей (этнических образований). При этом отнесение преступной группировки к этнической не должно предполагать безусловную однородность ее национального состава. Такие преступные формирования могут согласно приведенным положениям, иметь и смешанный характер. В этом случае правоприменитель должен исходить из того, что этническую принадлежность группировки определяют те этнические лица, которые занимают в ней лидирующее положение.

Анализ приведенной нормы позволяет утверждать, что представленная законодательная конструкция достаточно лаконично и емко описывает сущность рассматриваемого понятия. При этом она дает правоприменителю, в

лице следователей и дознавателей, относительно понятные критерии и механизм для учета преступлений, совершаемых представителями этнических преступных формирований. Однако А. Г. Ахмедов и Р. Р. Насыров считают, что положения указанного приказа противоречат Конституции РФ, так как из них следует, что этническими преступными группами могут быть различные национальные объединения лиц, которые, однако, при этом не являются представителями титульной нации России, т. е. не состоят из преступных элементов русской национальности [1].

Обозначенное мнение авторов в настоящее время следует признавать ошибочным, так как исследователи не обратили внимание на законодательные изменения, внесенные в правила заполнения учетных документов, используемых для предоставления первичных статистических данных о состоянии преступности, которые были внесены приказом Генеральной прокуратуры России от 9 декабря 2022 г. № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре»² (далее – приказ о едином статистическом учете). В частности, данным нормативным правовым актом уточнено изучаемое понятие. Так, согласно п. 8.2 «под организованной группой, сформированной по этническому принципу (на этнической основе), или этнической организованной группой понимается объединение лиц, состоящее из иностранных граждан, лиц без гражданства либо граждан Российской Федерации некоренной по отношению к территории проживания национальности, объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Этническая принадлежность такой группы определяется наличием в ней не менее 50 % участников или лидера некоренной национальности. Отнесение организованной группы к этнической не может определяться исключительно однородным национальным составом, который может быть смешанным».

Как можно заметить, согласно данному определению этнической преступной группой может быть и формирование, состоящее из лиц русской национальности, которые осуществляют

¹ О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12144358/?ysclid=mcae0z6y3758589028> (дата обращения: 23.01.2025).

² О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 9 дек. 2022 г. № 746 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405934823/?ysclid=mcae4wx fy0849821114> (дата обращения: 23.01.2025).

свою преступную деятельность в местности, где русские традиционно не являются коренным народом, например, такая преступная группа может образоваться в Республике Тыва, национальный состав которой на 83 % представлен тувинцами¹. Различные мнения по поводу понятия «коренные народы» и проблем, с ним связанных, достаточно подробно изложены в исследовании А. Н. Юлановой и Н. А. Филипповой [18, с. 131–133].

На наш взгляд, в приказе о едином статистическом учете закреплено максимально удачное определение этнической преступности, которое реально позволяет сотрудникам правоохранительных органов использовать его при регистрации выявленных фактов противоправной деятельности этнических преступных групп, а также в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности, например при постановке на оперативный контроль лиц, являющихся членами преступных этнических формирований. Значение учета указанных данных обусловлено тем, что с помощью количественных показателей преступности возможно дать объективную оценку ее состояния, последнее, в свою очередь, по мнению Т. А. Малыхиной, позволяет выработать реальные меры по противодействию преступности в целом и ее отдельным видам [9, с. 105].

Учитывая универсальность указанного легального определения, именно его возьмем за основу данного исследования. Критерии же отнесения преступных групп к этнической преступности, которые были выделены на основе интерпретации приведенного выше исследования А. В. Куликова и О. А. Шелега, следует рассматривать как признаки, составляющие часть элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых членами этнических преступных сообществ (организаций). С точки зрения практической значимости перечисленные признаки дают возможность органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, определить направления оперативного поиска и предмет документирования преступной деятельности участников конкретного этнического формирования.

Чтобы лучше понять феномен «этническая преступность», обратимся к истории. По нашему мнению, одними из причин образования

российских этнических преступных групп стали следующие обстоятельства. Исторически сложилось, что после распада СССР и обретения независимости бывшими союзными республиками начались процессы, которые привели к значительным миграционным потокам, особенно русскоязычного населения, в Россию [12, с. 32–33].

При этом необходимо сделать акцент на том, что во времена СССР множество народностей, как правило, проживали в союзных республиках, соблюдая свои обычаи и традиции. После распада страны и выхода республик из состава России начался процесс антирусизма. Русские стали массово покидать обжитые места и переезжали на территорию России. Коренные же жители стран, бывших республик СССР, остались жить на своих исконных территориях. В дальнейшем антирусские настроения и годы существования в качестве отдельных государств, безусловно, способствовали углублению психологического и культурного разрыва между людьми, которые раньше жили в одной стране [4, с. 14–15; 12, с. 33–35].

В итоге сегодня поколения граждан, выросшие в разных этнокультурных условиях, при общении зачастую не могут найти общий язык и, как следствие, возникают различные конфликтные ситуации. При этом резкое ухудшение экономического положения вынудило многих жителей стран СНГ и других бывших республик СССР мигрировать в Россию. В ходе этих процессов мигрантами часто становились относительно молодые люди работоспособного возраста, привыкшие соблюдать свои обычаи и традиции, но не желающие ассимилироваться в российское общество. Многие из них предпочли жить отдельными общинами, или, как иначе принято называть, диаспорами. При этом отдельные их представители, желая улучшить свое благосостояние, но не желающие работать, активно вступали на путь криминала [11, с. 112].

Все эти изменения способствовали формированию на территории Российской Федерации замкнутых этнических анклавов, представители которых, сталкиваясь с трудностями интеграции и отсутствием легальных возможностей для улучшения своего положения, вовлекались в преступную деятельность.

Следует заметить, что до середины XX в. отдельные ученые полагали, что этничность будет постепенно терять свое значение в жизни людей вследствие тенденций глобализма, модернизации, развития гражданского общества

¹ Республика Тыва. Состав и численность населения республики // Национальный акцент: медиапроект гильдии межэтнической журналистики : сайт. URL: <https://nazaccent.ru/regions/tuva/> (дата обращения: 23.01.2025).

и личностного индивидуализма. Однако историческая практика показала, что этничность, а также связанные с ней формы национализма не только сохранили, но и усилили свою роль в социальных и политических процессах [5]. На наш взгляд, во многом это связано с тем, что ни на политическом, ни на социальном уровнях так и не выработалась «идеальная формула» интеграции в российское общество, в том числе на уровне отдельных ее местностей и регионов, представителей некоренных народов, пребывающих в силу различных причин на временной или постоянной основе на данных территориях. При этом бюрократизм, ужесточение миграционного законодательства в Российской Федерации, существенные различия в культуре и менталитете лиц, прибывающих в страну из-за рубежа, как в 90-е гг. XX в., так и сейчас являются основополагающими факторами для образования организованных этнических формирований преступной направленности. Следует отметить, что аналогичные тенденции наблюдаются и на территории Евросоюза [10, с. 132–133].

В настоящее время неразрешимые национальные и культурные различия лиц, постоянно или временно проживающих на территории Российской Федерации, создают серьезную угрозу общественной безопасности страны. Все чаще большой общественный резонанс вызывают происшествия, связанные с представителями той или иной этнической группы. Общественное мнение, формирующееся после сообщений о том или ином противоправном деянии с участием лиц некоренной национальности, характеризуется резко негативным отношением ко всем представителям той или иной этнической группы. Данные обстоятельства приводят или могут приводить к межнациональным конфликтам и напряженности в стране.

На основе анализа результатов отдельных исследований можно выделить следующие специфические территориальные особенности формирования этнических преступных групп. В частности, в зависимости от места образования таких сообществ их можно подразделить на преступные группы, сформированные:

1) по месту жительства их участников, связанных родственными, дружескими и иными отношениями. Это так называемые землячества. В основном в такие группы входят молодые люди одного возраста, выросшие в одном месте и в одинаковых условиях;

2) в больших городах и мегаполисах. Как правило в них вступают лица, приезжающие в эти

города из одной местности, а также связанных национальными и иными особенностями;

3) в условиях пенитенциарных учреждений. Как известно, в местах лишения свободы существует масса обстоятельств, создающих почву для объединения членов этнических преступных групп и преступных сообществ, приехавших из разных регионов страны. Такие объединения в будущем позволяют им устанавливать криминальные связи в различных регионах страны [13, с. 172].

В зависимости от гражданства и географии участников этнических формирований преступные группы подразделяют на объединения, состоящие из граждан:

– Российской Федерации (осетин, ингушей, жителей различных национальностей Дагестана, чеченцев и людей из других этнических групп);

– стран ближнего зарубежья (таджиков, армян, грузин, азербайджанцев, узбеков, киргизов и казахов, молдаван и др.);

– стран дальнего зарубежья (китайцев, вьетнамцев, корейцев и представителей ряда других стран) [16, с. 141; 3, с. 11–13].

Обращаясь к данным статистики, можно выявить ряд негативных тенденций.

В частности, количество выявленных преступлений, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), уголовные дела и материалы о которых окончены расследованием, начиная с 2016 г. неуклонно растет, что может свидетельствовать, с одной стороны, об активности организованной преступности, а с другой – о результативности деятельности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию преступлений, совершенных членами организованных преступных групп. Аналогичные тенденции проявляются и в сфере этнической организованной преступности (рис. 1).

По-видимому, именно указанные тенденции привели к тому, что о проблеме этнической преступности все чаще говорят на самом высоком уровне. Так, например, председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин в одном из своих выступлений отметил, что сейчас отсутствуют предпосылки к сокращению преступности мигрантов на территории России. Он указал, что этническая преступность наиболее активно проявляет себя в Московской области и Санкт-Петербурге, а также в Краснодарском крае, Иркутской, Свердловской и Новосибирской областях. При

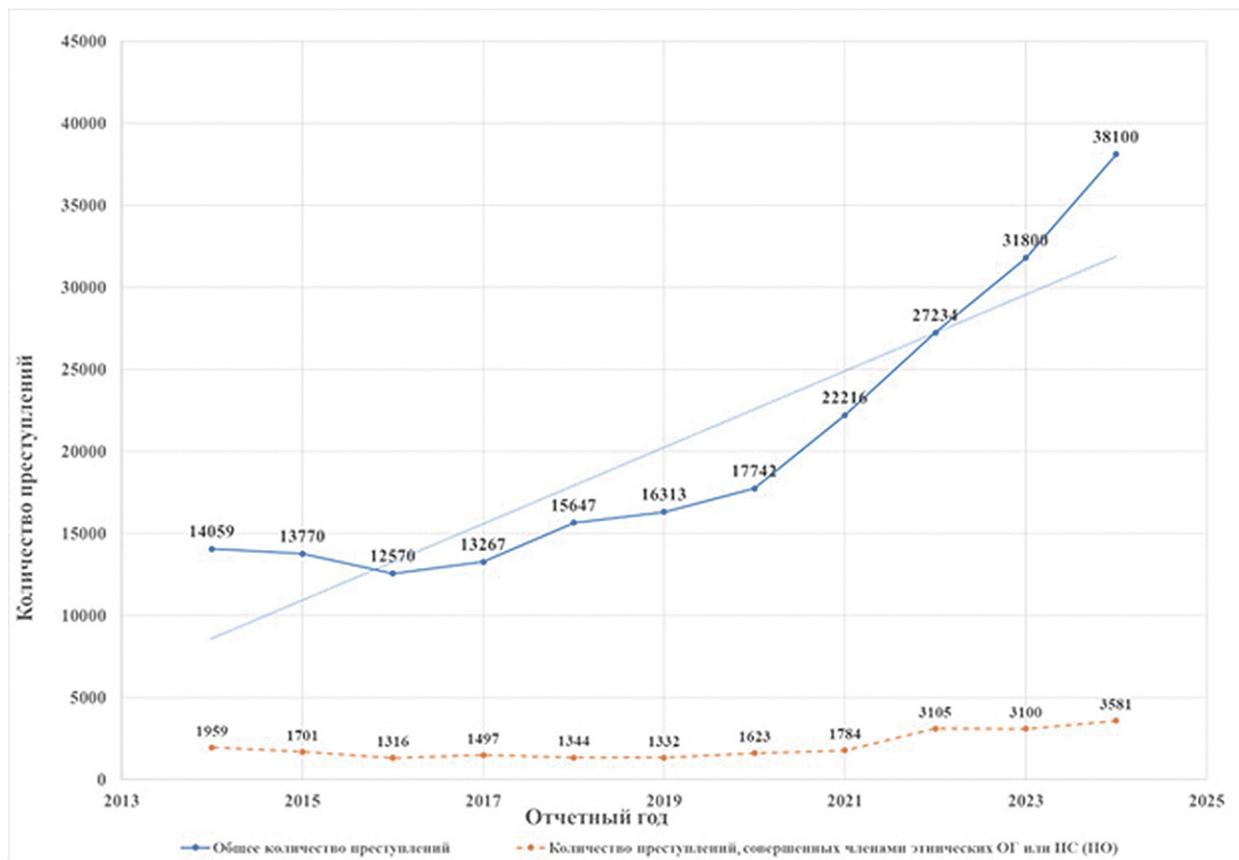

Рис. 1. Количество преступлений, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), уголовные дела и материалы о которых окончены расследованием либо разрешены в отчетном периоде

этом в числе наиболее острых проблем, связанных с регулированием преступности в указанных регионах, является появление таких феноменов, как «возникновение этнических анклавов, представляющих угрозу для местного населения»¹. По его убеждению, «одной из причин возникновения этнической организованной преступности на территории Российской Федерации является усиление миграции, как внешней, так и внутренней (независимо от причин и целей миграции – вынужденной, коммерческой или чисто криминальной – она всегда ведет к определенному ухудшению криминогенной обстановки)» [2, с. 9].

Аналогичного мнения придерживаются и иные ученые, например, Н. Д. Эришвили и М. М. Анкоси считают, что «основой для этнической преступности является неконтролируемая миграция населения» [17, с. 184]. Усиление миграции, как отмечают Е. Н. Хазова, А. В. Богданов и другие ученые, и образование сети этни-

ческих диаспор и землячеств с большой выгодой используются организованными преступными группами и сообществами, которые активно пополняют свои ряды из указанных социальных образований [15, с. 73; 8, с. 16].

Наглядно отдельные тенденции, связанные с организованной этнической преступностью в России, представлены в табл. 1–3.

Анализ указанных данных подтверждает вышеобозначенные отрицательные тенденции. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что структура организованной преступности примерно в 10 % случаев представлена этническими преступными формированиями. При этом не следует забывать и о латентной составляющей преступности данного вида².

В дополнение к указанному целесообразно рассмотреть сведения о количестве представителей организованной преступности в России,

¹ Бастрыкин А. Мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России // INTERFAX.RU : офиц. сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (дата обращения: 23.01.2025).

² По мнению специалистов, реальный уровень организованной этнической преступности в России намного выше, чем отражают данные официальной правовой статистики, которые содержат сведения лишь о 15–20 % наиболее очевидных преступлений, совершенных членами этнических преступных формирований [6, с. 20].

Таблица 1

Общие показатели количества преступлений, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ, в сравнении с количеством преступлений, совершенных членами этнических преступных формирований, Российская Федерация

Отчетный год	Количество преступлений, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ, уголовные дела и материалы о которых окончены расследованием либо разрешены в отчетном периоде	В том числе				
		сформированных по этническому принципу		тяжкие и особо тяжкие	из них совершенных членами этнических ОГ или ПС (ПО)	
		общее количество	в процентном соотношении		общее количество	в процентном соотношении
2024	38 100	3581	9,399	Нет данных	3581	13,75
2023	31 800	3100	9,748	Нет данных	3189	14,85
2022	27 234	3105	11,4	26 046	3052	17,99
2021	22 216	1784	8,03	21 477	1755	8,17
2020	17 742	1623	9,148	16 964	1575	9,28
2019	16 313	1332	8,165	15 633	1271	8,13
2018	15 647	1344	8,59	15 153	1312	8,66
2017	13 267	1497	11,28	12 899	1451	11,25
2016	12 570	1316	10,47	12 073	1201	9,95
2015	13 770	1701	12,35	13 342	1621	12,15
2014	14 059	1959	13,93	13 642	1868	13,69

Таблица 2

Показатели количества выявленных участников организованных групп или преступных сообществ, совершивших преступления в составе ОГ или ПС (ПО), включая соотношения с количеством членов этнических преступных образований, Российская Федерация

Отчетный год	Выявлено участников организованных групп или преступных сообществ, совершивших преступления в составе ОГ или ПС (ПО)	В том числе						
		сформированных по этническому принципу		иностранцев граждан		из них граждан стран СНГ		
		общее количество	в процентном соотношении	общее количество	в процентном соотношении	общее количество	в процентном соотношении	в процентном соотношении к общему числу иностранцев
2024	13 910	1262	9,1	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
2023	13 214	1160	8,8	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
2022	13 288	1211	9,1	1139	8,6	1000	7,5	87,8
2021	11 925	1054	8,8	840	7,0	701	5,9	83,5
2020	9793	1001	10,2	783	8,0	660	6,7	84,3
2019	9612	921	9,6	793	8,3	682	7,1	86,0
2018	9722	921	9,5	894	9,2	772	7,9	86,4
2017	9286	1052	11,3	962	10,4	843	9,1	87,6
2016	9341	868	9,3	1021	10,9	893	9,6	87,5
2015	9688	1192	12,3	895	9,2	773	8,0	86,4
2014	8672	1027	11,8	689	7,9	510	5,9	74,0

Таблица 3

Виды преступлений, совершенных участниками организованных групп или преступных сообществ в 2022 г., включая членов этнических преступных образований

Виды преступлений	Количество преступлений, совершенных в составе организованных групп или преступных сообществ, уголовные дела и материалы о которых окончены расследованием либо разрешены в 2022 г.	В том числе сформированных по этническому принципу		
		общее количество	в процентном соотношении	
Всего преступлений	27 234	3105	11,4	
В том числе	Тяжкие и особо тяжкие	26 046	3052	11,7
	Убийства (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ)	0	2	11,4
	Похищение человека (п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ)	63	8	12,7
	Кража (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ)	1218	309	25,4
	Мошенничество, мошенничество в сфере кредитования (ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.1 УК РФ)	10 743	1602	14,9
	Грабеж (п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ)	37	12	32,4
	Разбой (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ)	121	34	28,1
	Вымогательство (п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ)	242	73	30,2
	Бандитизм (ст. 209 УК РФ)	55	9	16,4
	Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ)	197	28	14,2
	Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ	9299	807	8,7
	Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия	159	4	2,5
	Вовлечение в занятие проституцией (ч. 3 ст. 240 УК РФ)	157	1	0,6
	Организация незаконной миграции (п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ)	107	45	42,1
	Преступления экстремистской направленности, в том числе:	278	12	4,3
	совершенные с применением огнестрельного оружия	78	27	34,6
	совершенные с применением взрывных веществ и взрывных устройств	7	0	0,0
Иные преступления	4814	159	3,3	

включая ее этнические формирования. Для этого обратимся к сведениям, приведенным в табл. 2.

На основе приведенных данных можно сделать вывод о том, что начиная с 2015 г. около 90 % выявленных членов этнических преступ-

ных формирований из числа иностранцев являются гражданами Содружества. Последнее свидетельствует о тесной связи России с этими государствами и необходимости продолжения политики противодействия незаконной трудо-

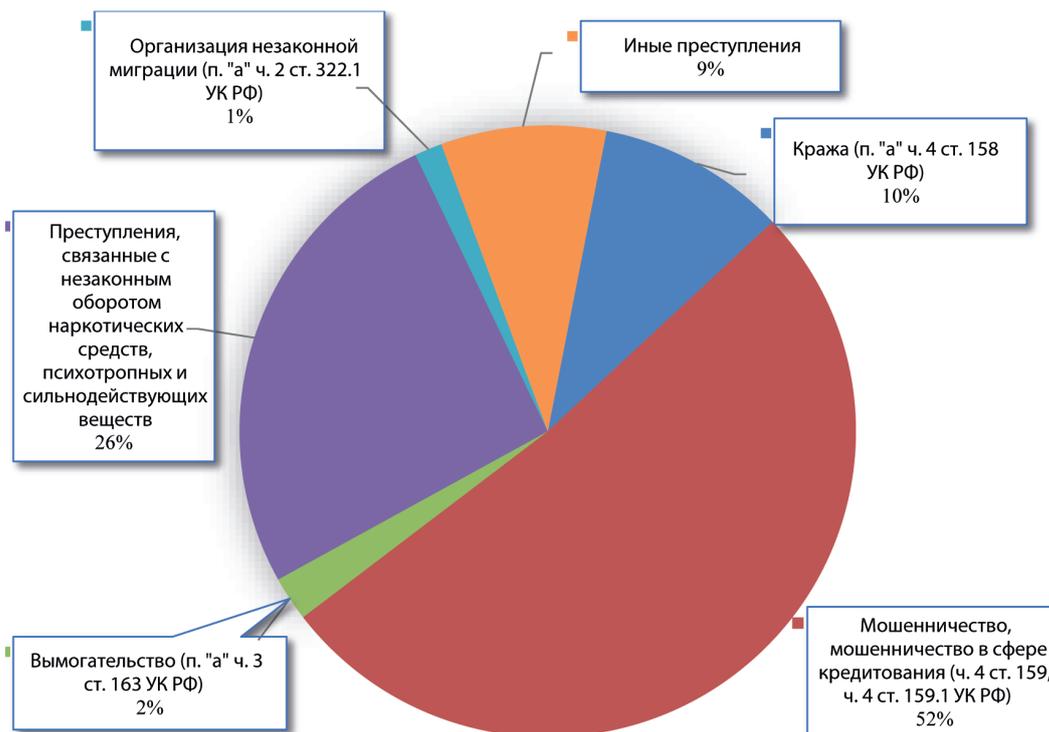

Рис. 2. Соотношение наиболее распространенных видов преступлений, совершаемых членами этнических преступных формирований, по данным 2022 г.

вой миграции. Это связано с тем, что последняя провоцирует рост числа преступлений, совершаемых организованными преступными группами, созданными по этническому принципу.

Согласно имеющимся статистическим данным за 2022 г., можно представить структуру современной этнической преступности (табл. 3).

Для наглядности выделим соотношения наиболее распространенных видов преступлений, совершаемых членами этнических преступных формирований (рис. 2).

Приведенные на рис. 2 данные указывают на то, что структура этнической преступности подвержена тем же тенденциям, что и вся организованная преступность России в целом (см. табл. 3). Наиболее распространенными категориями преступлений, совершаемыми членами этнических преступных формирований, являются мошенничества, кражи и незаконный оборот наркотиков.

Обсуждения и заключения

В заключение можно отметить, что проблема этнической преступности в Российской Федерации остается актуальной и сложной. Организованные преступные группы, сформированные по этническому принципу, ухудшают криминогенную обстановку и вызывают справедливую

негативную реакцию со стороны общества и государства.

В связи с принятием в 2022 г. приказа о едином статистическом учете преступлений качественно претерпело изменение легальное понятие этнической преступности. В данном нормативном правовом акте термин «этническая преступность» используется в виде словосочетания «организованные группы, сформированные по этническому принципу (на этнической основе)». Признаки, закрепленные в данном нормативном правовом акте, дают правоприменителям четкие критерии для учета преступлений, совершенных членами этнических формирований. При этом следует учитывать, что указанное нормативное определение содержит положения, согласно которым этническими формированиями могут быть признаны и «объединения преступников русской национальности».

Причины образования организованных этнических формирований в Российской Федерации обусловлены историческими процессами. Наиболее существенные из них были связаны с распадом СССР, что привело к разрыву социальных, культурных и иных связей между народами, а также росту миграционных процессов.

К основным факторам, способствующим росту этнической преступности, следует отнести

экономические трудности, недостаточный контроль за миграцией, а также ментальные и религиозные различия, обуславливающие создание замкнутых социальных образований антиобщественной направленности.

Последние 10 лет происходит ежегодный рост числа выявляемых преступлений, совершенных членами этнических преступных формирований. Однако следует учитывать, что противоправная деятельность представителей рассматриваемых объединений имеет высокую степень латентности.

Наиболее распространенными категориями преступлений, совершаемых членами изучаемых групп, являются мошенничества, кражи и незаконный оборот наркотиков.

Имеющиеся данные указывают на то, что динамика и структура этнической преступности подвержены тем же тенденциям, что и вся организованная преступность России в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедов А. Г., Насыров Р. Р. Актуальные вопросы оперативно-розыскного противодействия этнической преступности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2. URL: <https://base.garant.ru/481269318/> (дата обращения: 20.05.2025).
2. Бастрыкин А. И. Противодействие этнической преступности в Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 1(15). С. 9–12.
3. Выявление и раскрытие преступлений, предусмотренных статьей 210 УК РФ / сост. Е. В. Кузнецов. Иркутск : ВСИ МВД России, 2008. 56 с.
4. Зайончковская Ж. А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15.
5. Касаев И. Х. Этническая преступность в России: криминологический аспект // Правовая культура. 2011. № 1. С. 203–206.
6. Кузнецов К. В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 32 с.
7. Куликов А. В., Шелег О. А. К вопросу о понятиях организованной этнической преступности и организованных этнических преступных групп // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (46). С. 15–18.
8. Макошин П. В., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Незаконная миграция как основной источник организованной этнической преступности // Криминологический журнал. 2019. № 3. С. 16–21.
9. Малыхина Т. А. Значение показателей преступности при оценке деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2024. № 1 (10). С. 102–106.
10. Павельева Э. А. Миграционный кризис в Европейском союзе: наднациональность и суверенитет // Сибирский юридический вестник. 2017. № 1. С. 130–134.
11. Петров А. А. Концептуальные подходы к исследованию феномена этнической преступности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 110–114.
12. Рыбаковский О. Л. Миграция населения постсоветской России // Вестник ТГУПБП. 2016. № 1. С. 30–36.

13. Сыпачев А. Ю. Проблемы учета преступлений, совершаемых этническими преступными группами // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 168–174.

14. Тимина, Т. Н. О легитимности использования криминологического понятия «этническая преступность» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4(39). С. 76–82.

15. Хазов Е. Н., Богданов А. В. Организованная преступность и коррупция в России // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 72–76.

16. Шукин А. М., Вагин П. А. Этническая преступность – зона ответственности уголовного розыска // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 138–144.

17. Эриашвили Н. Д., Анкоси М. М. Этническая преступность в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 181–184.

18. Юланова А. Н., Филиппова Н. А. Понятие «коренные народы» в современном международном и конституционном праве // Вестник СурГУ. 2016. № 4 (14). С. 131–135.

REFERENCES

1. Akhmedov A.G., Nasyrov R.R. Aktualnye voprosy operativno-rozysknogo protivodeistviya etnicheskoi prestupnosti [Current Issues of Operational Search Counteraction to Ethnic Crime]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 2. Available at: <https://base.garant.ru/481269318/> (accessed: 20.05.2025). (in Russian)
2. Bastrykin A.I. Protivodeistvie etnicheskoi prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii [Counteraction to Ethnic Crime in the Russian Federation]. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya* [Crime Investigation: Problems and Solutions], 2017, no. 1(15), pp. 9–12. (in Russian)
3. Vyyavlenie i raskrytie prestuplenii, predusmotrennykh statei 210 UK RF [Detection and Investigation of Crimes under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Compl. by E.V. Kuznetsov. Irkutsk, VSI MVD Rossii, 2008, 56 p. (in Russian)
4. Zayonchkovskaya Zh.A. Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX veke: evolyutsiya skvoz kataklizmy [Migration of the Population of the USSR and Russia in the 20th Century: Evolution Through Cataclysms]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2000, no. 4, pp. 3–15. (in Russian)
5. Kasaev I.Kh. Etnicheskaya prestupnost v Rossii: kriminologicheskii aspekt [Ethnic Crime in Russia: Criminological Aspect]. *Pravovaya kultura* [Legal Culture], 2011, no. 1, pp. 203–206. (in Russian)
6. Kuznetsov K.V. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie organizovannoi etnicheskoi prestupnosti* [Criminological Characteristics and Prevention of Organized Ethnic Crime]. Diss. sci. abstr. Moscow, 2018, 32 p. (in Russian)
7. Kulikov A.V., Sheleg O.A. K voprosu o ponyatiyakh organizovannoi etnicheskoi prestupnosti i organizovannykh etnicheskikh prestupnykh grupp [On the Concepts of Organized Ethnic Crime and Organized Ethnic Criminal Groups]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 4(46), pp. 15–18. (in Russian)
8. Makoshin P.V., Bogdanov A.V., Khazov E.N. Nezakonnyaya migratsiya kak osnovnoi istochnik organizovannoi etnicheskoi prestupnosti [Illegal Migration as the Main Source of Organized Ethnic Crime]. *Kriminologicheskii zhurnal* [Criminological Journal], 2019, no. 3, pp. 16–21. (in Russian)
9. Mal'ykhina T.A. Znachenie pokazatelei prestupnosti pri otsenke deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [The Significance of Crime Indicators in Assessing the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation]. *Sibirskii*

yuridicheskii vestnik [Siberian Law Herald], 2024, no. 1(10), pp. 102-106. (in Russian)

10. Pavelyeva E.A. Migratsionnyi krizis v Evropeiskom Soyuze: nadnatsionalnost i suverenitet [Migration Crisis in the European Union: Supranationality and Sovereignty]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Law Herald], 2017, no. 1, pp. 130-134. (in Russian)

11. Petrov A.A. Kontseptualnye podkhody k issledovaniyu fenomena etnicheskoi prestupnosti [Conceptual Approaches to the Study of the Phenomenon of Ethnic Crime]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 2(39), pp. 110-114. (in Russian)

12. Rybakovskii O.L. Migratsiya naseleniya postsovetskoi Rossii [Migration of the Population of Post-Soviet Russia]. *Vestnik TGUPBP* [Bulletin of TGUPBP], 2016, no. 1, pp. 30-36. (in Russian)

13. Sypachev A.Yu. Problemy ucheta prestuplenii, sovershaemykh etnicheskimi prestupnymi gruppami [Problems of Recording Crimes Committed by Ethnic Criminal Groups]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2017, no. 4(42), pp. 168-174. (in Russian)

14. Timina T.N. O legitimnosti ispolzovaniya kriminologicheskogo ponyatiya "etnicheskaya prestupnost" [On the Legitimacy of Using the Criminological Concept of "Ethnic Crime"]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2015, no. 4(39), pp. 76-82. (in Russian)

15. Khazov E.N., Bogdanov A.V. Organizovannaya prestupnost i korruptsiya v Rossii [Organized Crime and Corruption in Russia]. *Kriminologicheskii zhurnal* [Criminological Journal], 2020, no. 1, pp. 72-76. (in Russian)

16. Shchukin A.M., Vagin P.A. Etnicheskaya prestupnost – zona otvetstvennosti ugovolnogo rozyska [Ethnic Crime – the Responsibility Zone of the Criminal Investigation Department]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2016, no. 2(36), pp. 138-144. (in Russian)

17. Eriashvili N.D., Ankosi M.M. Etnicheskaya prestupnost v Rossiiskoi Federatsii: problemy pravovogo regulirovaniya [Ethnic Crime in the Russian Federation: Problems of Legal Regulation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 7, pp. 181-184. (in Russian)

18. Yulanova A.N., Filippova N.A. Ponyatie "korennye narody" v sovremennom mezhdunarodnom i konstitutsionnom prave [The Concept of "Indigenous Peoples" in Modern International and Constitutional Law]. *Vestnik SurGU* [Bulletin of SurSU], 2016, no. 4(14), pp. 131-135. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 03.09.2025.

Received on 24.01.2025; approved on 13.03.2025; accepted for publication on 03.09.2025.

Козийчук Павел Николаевич – преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России (Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110), РИНЦ Author ID: 1158307, ORCID: 0000-0002-4918-2250, e-mail: gff200788@yandex.ru

Koziyuchuk Pavel Nikolaevich – Lecturer at the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment in Law Enforcement Agencies, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (110, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russian Federation), RSCI Author ID: 1158307, ORCID: 0000-0002-4918-2250, e-mail: gff200788@yandex.ru

Кузнецов Евгений Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1), РИНЦ Author ID: 212790, ORCID: 0000-0002-0615-1251, e-mail: kev300579@gmail.com

Kuznetsov Evgeny Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Judicial Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), RSCI Author ID: 212790, ORCID: 0000-0002-0615-1251, e-mail: kev300579@gmail.com

Вклад авторов

Козийчук Павел Николаевич – концепция статьи, сбор и изучение эмпирического, теоретического материала, написание, обсуждение текста статьи, утверждение итогового варианта.

Кузнецов Евгений Викторович – концепция статьи, сбор и изучение эмпирического, теоретического материала, написание, обсуждение текста статьи, утверждение итогового варианта.